

Г. Ф. Одинцов

ЕЩЕ РАЗ К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ЛОШАДЬ*

Др.-русск. и русск. *лошадь* — сравнительно позднее заимствование, первоначально диалектное; его история и этимология взаимосвязаны, и факты из истории и географии термина имеют значение для выяснения его происхождения.

* * *

Со времен появления Словаря русского языка, составленного II Отделением АН (т. IV. СПб., 1913, стлб. 1936—1944, статья *конь*), и деятельности Московской диалектологической комиссии (Н. Н. Дурново и др.) вошло в традицию утверждать, будто слово *лошадь* представлено, как правило, на Юге России, а *конь* — на Севере¹.

Это, однако, сомнительно по отношению к южновеликорусским говорам, особенно в историческом плане; значительную активизацию слова *лошадь* на Юге относят к XIX в.² Это сомнительно и по отношению к северновеликорусским говорам, на территории распространения которых термин *лошадь* активен, по материалам XIX—XX вв., в следующих местностях (учитываются как непосредственные указания авторов-диалектологов, так и цитируемый ими материал и сведения о диалектном произношении названия)³: Архангельская г.: Мезенск. у. (Т—IX, 20), Шенкурск. у.

¹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 221. П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1960, стр. 132.

² С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской деловой письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 86—93.

³ В представленном перечне слова *губерния*, *область*, *уезд*, *район* сокращены: г., о., у., р. Указания на многочисленные деревни, села, станицы, приходы, волости опущены, как и весь иллюстративный материал. В скобках названы источники, и если они рукописные, то дополнительно сообщается о дате.

Условно-сокращенные обозначения источников, не указанных в общем списке сокращений, принятых в сб. «Этимология»:

Голанов — Дополнения к «Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина. Коллективная работа студентов литературно-лингвистического отделения Ярославского педагогического института под редакцией проф. И. Г. Голанова и ассистента С. А. Копорского. Ярославль, 1926.

Гриб — Р. Т. Гриб. Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири. (Учебное пособие). Красноярск, 1967.

КБАС — Картотека «Словаря современного русского литературного языка» (Ленинградское отделение ИРЯ АН СССР).

Копорский — С. А. Копорский. Архаические говоры Осташков-

(Подвысоцкий, 98—99; Дополнение к Опыту, 22; Т — XI, 26 и 28); Онежск. у. (Ш — V, 203—205); Архангельск. и Холмогорск. у. у. (Подвысоцкий, 120); Пинежск. у. (там же, 181); Онежск. и Кемск. у. у. (Там же, 134); без указания уезда (Там же, 148; Дополнение к Опыту, 234, 257). Владимирская г.: Покровск. у. (2-ое Доп.; Т — XI, 51; Ш — I, 6—8); г. Иваново-Вознесенск (Т — XI, 67); г. Шуя (Ш — II, 23) и его у. (Т — XI, 1—4, 6—12, 14—19); г. Муром и его у. (Ш — XI, 3 и 5; Опыт, 133); Меленковск. у. (Ш — IX, 36, 40); Ковровск. у. (Т — XI, 39). Вологодская г.: Вологда и у. у.: Вологодск., Грязовецк., Кадниковск., Тотемск., Вельск. (Т — XI, 93); В.-Устюжск. у. (Опыт, 239; Т — XI, 96—97, 99; Ш — IX, 79—80, 82—84); Кадниковск. у. (Ш — III, 51, 67; Ш — IV, 135; Т — XI, 96); Сольвычегодск. у. (Опыт, 240; Ш — IX, 117); Грязовецк. у. (Ш — V, 171; Т — XI, 83); Никольск. у. (Ш — IX, 49; Т — XI, 101). Вятская г.: Оханск. у. (КБАС, без даты); Малмыжск. у. (КСРНГ, 1911; Т — XI, 123; Ш — IX, 95); Яранск. у. (Ш — VIII, 160, 163; Ш — IX, 119); Орловск. у. (Ш — IX, 101, 103); Нолинск. у. (Ш — VIII, 95, 97, 99, 220); Слободск. у. (Ш — IX, 109); Котельническ. у. (Ш — VIII, 3, 7; Ш — V, 163). Иваново-Вознесенск. г. (см. еще: Владимирская г.): Пейковск. у. (Т — XI, 132). Иркутская г. (Цомакион, 10; Опыт, 147, 177). Казанская г.: Царевококшайск. у. (КСРНГ; Т — XI, 141, 143—145, 147—149, 152, 153, 155); Казанск. у. (Ш — XI, 15); Чистопольск. у. (Ш — I, 2); Тетюшск. у. (Т — XI, 137, 139); Свияжск. у. (Т — XI, 134; КСРНГ, 1912); Цивильск. у. (Ш — XI, 20, 26, 29—31); Базяково (Т — XI, 101, 135). Колымский край (Богораз, 77; в фольклоре (там же, 284). Костромская г.: Костромск. у. (Ш — VI, 286; Т — XI, 161, 163); г. Галич и у. (Ш — IX, 123; Т — XI, 156; КБАС, без даты); Ветлужск. у. (Т — XI, 103, 178, 180, 181; в фольклоре: П. В. Шейн. Великорусс... I, В. 1, 1898, стр. 243); Кологривск. у. (Ш — VIII, 188, 190; Т — XI, 158); Чухломск. у. (Т — XI, 167, 170); Нерехтск. у. (Т — XI, 166, 174); Буйск. у. (Ш — I, 17, 19); Юрьевск. у. (Т — XI, 175); Варнавинск. у. (Т — XI, 177); Кинешмск. у. (Ш — VIII, 195, 198); Марьевск. у. (Ш — VIII, 122; Т — XI, 172); Мисковск. вол. (Т — XI, 159—160).

ского района Калининской области. Материалы для словаря. — Уч. зап. Калининского педагогического института, 1945, т. X, в. 3.

КСРНГ — Карточка «Словаря русских народных говоров» (Ленинградское отделение ИРЯ АН СССР).

Т — II...XII. — Труды Московской диалектологической комиссии (Труды Комиссии по диалектологии русского языка). Вып. II; Варшава, 1910. Вып. III; Варшава, 1914. Вып. VIII; М., 1919. Вып. X; Л., 1928. Вып. XI; Л., 1930. Вып. XII; М., 1931.

Цомакион — Н. А. Цомакион. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.

Ш — I...XI. — «Материалы для изучения великорусских говоров» под ред. А. А. Шахматова. Вып. I—XI. СПб. (Пг.), 1896—1922. Вып. I—III, 1896. Вып. IV, 1897. Вып. V, 1898. Вып. VI, 1903. Вып. VIII, 1903. Вып. IX, 1910. Вып. XI, 1922.

Красноярский кр. Из 23 употреблений слов *лошадь* и *конь* (в кн.: Гриб) 10 приходится на первое название: Шушенск. р. (85); Ачинск. р. (64, 67, 70); Емельяновск. р. (61); Казачинск. р. (50, 52); Туруханск. р. (13); Енисейск. р. (25). Красноярск. у. бывшей Енисейской г. (Цомакион, 152). Нижегородская г.: Арзамасск. у. (Т — XII, 4, 10, 12, 15, 18, 20, 21, 22, 45, 197); Семеновск. у. (Т — XII, 27, 31); Сергачск. у. (Т — XII, 32—34); Макарьевск. (Лысовск.) у. (Т — XII, 24—25). Новгородская г.: Белозерск. у. (III — IX, 169, 170, 172, 174; Т — XII, 38); Тихвинск. у. (Опыт, 67, 152; Т — XII, 38, 74); г. Устюжна и его у. (III — III, 88—89); Новгородск. у. (III — II, 26 и 28); Кирилловск. у. (Т — XII, 64, 66); Демянск. у. (Т — XII, 58, 59); Валдайск. у. (Т — XII, 57); Череповецк. у. (Герасимов, 45); Крестецк. у. (Т — XII, 72); Боровичск. у. (Т — XII, 35). Новосибирская о.: Мошковский р. (Гриб, 152—153). Олонецкая г.: Олонец (III — IV, 107, 109); Повенецк. у. (КСРНГ, 1912 г.); Вытегорск. у. (III — II, 40 и 41); Каргопольск. у. (Т — XII, 87; Куликовский, 62); Петрозаводск. у. (III — I, 11; III — IV, 122, 124; III — V, 155; Куликовский, 27, 28, 65); Пудожск. у. (Куликовский, 62); без уточнения места (Опыт, 175; Куликовский, 51); в фольклоре (КБАС, без даты). Омская о.: Тарск., Тевризск., Сидельниковск., Усть-Ишимск., Большелеченск. р. р. (по архивным материалам Омского педагогического института им. А. М. Горького); Тарск. у. бывшей Тобольской г. (Дополнение к Опыту, 209). Пермская г.: Шадринск. у. (III — IX, 238; III — XII, 132, 133); Камышловск. у. (Т — XII, 119, 121); Екатеринбургск. у. (Т — XII, 117); Пермск. у. (Т — XII, 127); Чардынск. у. (III — IX, 235); Верхотурск. у. (Уральская о., Тагильск. округ. — Т — XII, 114); Ирбитск. у. (III — IX, 215); Красноуфимск. у. (III — IX, 218, 220). Петербургская г.: Шлиссельбургск. у. (Т — XI, 186); Новоладожск. у. (Дополнение к Опыту, 198). Псковская г.: Смол. у. (КБАС, без даты); Холмск. у. (III — VIII, 108; Т — XII, 137); Великолуцк. у. (III — VI, 291; Т — XII, 134, 137); неоднократно без уточнения места (КБАС, без даты; КСРНГ, 1904—18 гг., 1912—14 гг. и 1958 г.; Дополнение к Опыту, 156, 206, 254, 275). Северодвинск. г. (Т — XII, 165). Симбирск. г.: Алатырск. у. (Т — XII, 153); Ардатовск. у. (Т — XII, 154); Карсунск. у. (III — VIII, 204). Тверская г.: Кашинск. у. (КСРНГ, 1901; Сб. ОРЯС, т. 70, № 5, стр. 88); Вышневолоцк. у. (Т — XII, 169, 170, 172); Новоторжск. у. (Т — XII, 177, 180; Т — VIII, 24); Калязинск. у. (Т — XII, 175); без уточнения места (КБАС, без даты); Осташковск. у. (Дополнение к Опыту, 156, 206, 254); Тверск. у. (Сб. ОРЯС, т. 75, № 2, стр. 6); Осташковск. р. Калининской о. (Копорский, 101—102, 120). Тобольская г.: г. Тюмень (Т — XII, 181); Ишимск., Курганск., Тарск. у. у. (III — II, 34); Тюменск. округ (III — III, 70); Тобольск. округ (III — VI, 283); Ишимск., Тарск., Курганск. у. у. и г. Омск (III — II, 32, 33, 34); без уточнения места (Цомакион, 297). Том-

ская г.: Канск. у. (Цомакион, 215, 260). Томск. округ (Там же, 106); без уточнения места (Опыт, 221). Тюменская о.: Ялуторовск. р. (КСРНГ, 1930). Уральская о.; Коми-Пермяцк. окр. (Т — XII, 183). Ярославская г.: Тутаевск. у. (Т — XII, 188); Дан. у. (Голанов, 31); Ярославск. у. (Т — XII, 189—191); Ростовск. у. (Т — XII, 185, 186; Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 35 и 68); без уточнения места (Мельниченко, 33 и 105; Е. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896, стр. 3, 10, 33; Голанов, 10).

Таким образом, слово представлено на Севере очень широко, особенно в Новгородской, Тверской, Вологодской и Костромской губерниях.

Активно употреблялось оно в этих, а также в других местах Севера и в XVI—XVII вв. Так, в Новгородской земле название известно как самое обычное — в деловой записи — уже в XIII в. (Духовная Клименты, около 1270 г.).

Оно широко употребляется здесь в XV—XVII вв.:

1) возмуть Новгородское или человѣкъ или лошадь (XV в. Договор Казимира с Новгородом)⁴. — Ни в современном, ни в старом польском *лошадь* не отмечено, так что употребление слова соответствовало новгородским нормам;

2) в опубликованных Новгородских ямских книгах 1586—1631 гг.⁵ термин *лошадь* употреблен 101 раз при отсутствии слова *конь* (проводилась сплошная выборка материала на стр. 95—294).

Обратимся к другой древнейшей северорусской земле — к Ростово-Сузdalскому княжеству, в состав которого, кроме его южной оконечности — Москвы, — входили Тотемский, Велико-Устюжский и Сольвычегодский край, а также Кострома, Тверь и т. д.

Любопытно, что именно в Тверской летописи, и ни в какой другой (по данным Картотеки МДРС), встречаем чрезвычайно показательное производное *лошадина* 'конина' (в записи под 1170 г.): ини лошадину ядоша въ великое говѣние (1534 г., список начала XVII в.⁶). По-видимому, в Ростово-Сузdalской земле слово *лошадь* было особенно активным. И действительно, при сплошной выборке слов *конь* и *лошадь* в трехтомнике «Таможенные книги Московского государства XVII в.» (М.—Л., 1950—1951), где представлены исключительно устюжские, сольвычегодские и тотемские записи, оказалось, что на протяжении 1781

⁴ Русская историческая библиотека, т. 22, кн. 2, стб. 16.

⁵ Б. Я. Гурлянд. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1900.

⁶ Полное собрание русских летописей, т. XV. СПб., 1863, стб. 247. — Знаменательно, что *лошадина* и в наши дни характеризуется как специфический тверской (калининский) диалектизм. См. Материалы для заданий по курсу русской диалектологии. Калинин, 1972, стр. 32.

страницы слово *лошадь* встречается 4953 раза⁷, а *конь* — пять раз, причем *конь* и в этих редчайших случаях — чаще видовое обозначение: цена 7 р. жеребцу, а другой лошаде, коню, цена 2 р. (1635—36 гг. — т. I, стр. 263). Здесь *конь* — ‘лошадь, не являющаяся женской особью’, *лошадь* же, как и в массе других случаев, — родовое, основное название. Выбор слова (*конь* или *лошадь*) может зависеть от писца, но поскольку представленная картина наблюдается в 168 таможенных книгах, помещенных в трехтомнике, то этот фактор здесь не имеет значения. В иных же устюжских деловых памятниках — в *порядных актах* епархии того же периода — *конь* упоминается нередко, наряду с *лошадь*⁸.

Употреблялось слово *лошадь* в этой части Северного края также в XV—XVI вв.: Далъ... пять рублевъ... да лошадь пополника (т. е. в придачу. — Г. О. — Белозерск., 1428—34 гг.)⁹; доводчику ъздити... безъ... лошади (Уставная Белозерского монастыря. 1488 г.)¹⁰; А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади (Уставная грамота Соловецкого монастыря Бѣжецкого Верха, села Пузырева. 1561 г.)¹¹.

Встречается термин и в костромских записях середины XVI в.¹², и в московских памятниках XV в.: чтобы ъхалъ... лошадей бы не жаловалъ: гдѣ у него которая подвода устанетъ, и онъ бы мѣнялъ. (Грамота великого князя Ивана Васильевича от 1492 г.)¹³. В московской письменности XVI—XVII вв. слово *лошадь* чрезвычайно активно.

Широкое отражение термина в архангельско-холмогорских памятниках XVI—XVII вв. не представляет в данном случае интереса, т. к. слово *лошадь* известно в документах более раннего периода, чем время колонизации русскими Архангельской земли.

Известно лишь 4 древнерусских памятника XIII—XIV вв., в которых употреблено слово:

1) Духовная новгородца Климента, между 1258 и 1268 гг., — древнейший русский подлинник, фиксирующий это название: два села с ѿбильем и съ лошадьми¹⁴;

⁷ Вот некоторые страницы, где *лошадь* употреблено по 5 раз и более: т. I, 162—166, 168, 169; т. II, 261—268; т. III, 459—462.

⁸ Русская историческая библиотека, т. XIV, кн. 2, стб. 243; т. XXXV, стб. 876 и проч.

⁹ Чтения ОИДР. М., 1900, вып. III, стр. 82.

¹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. I. СПб., 1836, стр. 92.

¹¹ Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М., 1910, стр. 40.

¹² П. Н. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I. СПб., 1895, стр. 135.

¹³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882, стр. 69. Термин встречается в 13 московских памятниках XV в.

¹⁴ С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952, стр. 55. М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 15.

2) Лаврентьевская летопись, сп. около 1377 г., где под 1103 г. в речи Владимира Мономаха сообщается: Дивно ми, дружино, оже лошадии жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в селе его ѿхавъ иметь жену его и дѣти его. . . То лошади жаль, а самого не жаль ли? ¹⁵ Так как протограф «Повести временных лет» датируют 1116 г. ¹⁶, то традиция указывать на первое употребление слова *лошадь* в речи Мономаха обоснованна;

3) Ипатьевская летопись (около 1425 г.), в которой на основе Лаврентьевского списка ¹⁷ эта же речь Мономаха повторяется дважды — под 1103 г., где в одном месте написано: а кобылу (вместо *лошадь*) его поиметь (л. 95 об.) ¹⁸, — и под 1111 г., также с заменой слова *лошадь* в одном случае: . . . смердовъ жалуете и ихъ конии (л. 99). Эту замену рассматривают как порчу первоначального текста ¹⁹;

4) Новгородский Софийский сборник XIV—XV вв., где в записи конца XIV или самого начала XV в. (л. 12а), встречаая даже производное *лошадин* («въ образѣ лошадинъ»), читаем: . . . ѿни ркоша лошадь видимъ ²⁰; в Пандектах же Ник. Черногорца (XIV в., ГИМ, Чуд. № 16, л. 183 об.) — «кобылу видимъ» (КДРС).

Очевидно, юго-западной письменности (см. Ипатьевскую летопись, Пандекты Ник. Черногорца) слово *лошадь* «было несвойственно, как и современным украинскому и белорусскому языкам» ²¹.

¹⁵ Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 183—184.

¹⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. II. А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 41.

¹⁷ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. XXX.

¹⁸ ПСРЛ II, стр. 252.

¹⁹ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. XXX.

²⁰ Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907, стр. 139—140, А. И. Соболевский. К хронологии одной особенности псковского говора. — РФВ, 1911, т. 65, стр. 403.

²¹ Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, стр. 561. — Староукр. *лошадь*, встречающееся в официальных отчетах, написанных московскими служилыми людьми, является официальным русизмом, не характерным для живого употребления. Так, в составленных москвичом «Переписных книгах 1666 року» (Книга Малороссийского приказа № 121) несвойственное украинцам *лошадь* можно обнаружить на каждой из 438 страниц: пашенных лошадей 62 лошади. (Переписні книги 1666 року. Подг. и ред. В. О. Романовский. Київ, 1933, стр. 51). А. Е. Крымский (Древнекиевский говор. — Изв. ОРЯС АН, 1906, т. XI, кн. 3, стр. 51) отметил укр. диал. черниговск. *лошадюга* — экспрессивное и изолированное наименование, не опирающееся в данном случае на слово *лошадь* (так как последнее в укр. говорах не отмечено) и ввиду этого представляющее собой, вероятно, заимствование из русских говоров. Ср. южнорусское донск. *лошадюка*, встречающееся у М. А. Шолохова в «Поднятой целине» (ч. I, гл. 19) в прямой речи (в размышлениях Кондрата Майданникова) как экспрессивное собирательное называ-

На Севере же Древней Руси это название известно уже в самых ранних его употреблениях в памятниках и обладает словообразовательной активностью (*лошадин* ‘лошадиный’, *лошадина* ‘ко-нина’). Этимологически родственное термину слово *лошак*, имеющееся, впрочем, и в украинском языке, правда, с иной семантикой, также искони известно на Севере — в Новгородской берестограм. № 59 (XII или XIII в.) и в Духовной новгородца Климента. (Польск. *łoszak* — позднее заимствование из восточнославянск. ²²; блр. литер. *лашак* ‘лошак’, возможно, русизм).

В древнерусских текстах слово *лошадь* имеет сниженную стилистическую окраску и некоторый семантический оттенок дурной, плохой лошади, не коня, причем обе эти стороны были выражены в названии несколько ярче, чем в современном русском языке. (Это рассматривается в нашей статье «Из истории русской гипнологической терминологии» ²³).

Юго-западные древнерусские диалектизмы *фарь* ‘породистая, наиболее ценная верховая лошадь’ и *комонъ* ‘ценная верховая лошадь’ служали собой употребление слова *конь*, так что юго-зап. др.-русск. *конь* ближе по лексическому значению к укр. *кінь* ‘лошадь, конь’, чем к соврем. русск. *конь*. На севере же и северо-востоке Древней Руси понятие *equus* было не дифференцировано, судя по употреблению слова *конь* во всех случаях. Необходимость в таком разграничении была разрешена диалектным возникновением слова *лошадь* в указанном выше значении.

Использование слова в речи Владимира Мономаха вполне могло соответствовать тогдашней северной диалектной норме. Жизнь Мономаха была связана с Ростово-Сузdalской землей. Здесь он строил города, украшал их зданиями; здесь, на берегу Волги, он писал «Поучение». В Ростов он приезжал еще будучи мальчиком. В 1108 г., за 3 года до совещания князей на Долобском озере, он основал г. Владимир (на Клязьме).

Итак, по своему употреблению слово *лошадь* было скорее всего севернодревнерусским диалектизмом. (Понятия северовеликорусский и северодревнерусский тем самым здесь и ниже различаются). Таковым же оно было и по словообразованию, если иметь в виду не только и, быть может, не столько модель образования и суффикс *-'адь* (первоначальный корень *лош-* имеем в russk. *лошевод* ‘конокрад’, укр. *лошук* ‘молодой жеребчик’, *лошица* ‘кобылица’ и проч.), но и сам корень слова, осмысленный на диал. основе к моменту возникновения рассматриваемого существительного.

Образования с суфф. *-'адь* чаще встречаются на территориях распространения русского, а не украинского языка.

ние лошадей. Отметим еще загадочное слвц. *лошаць* ‘лошадь’, записанное в селах восточнее Пресбурга («Русский вестник», т. 64, 1866, стр. 17).

²² В г ё ск п е г, стр. 312.

²³ «Вопросы языкоznания и русского языка». Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 353. М., 1970, стр. 434—438.

Обращаясь к древнерусским существительным с этим суффиксом, которые имеются в Словаре И. И. Срезневского, подчеркнем, что они отмечены почти исключительно в севернодревнерусских памятниках, включая московские (о.-слав. повсеместно распространенные *лебадь* и *челадь* здесь и ниже во внимание не принимаются):

- 1) *р8хлгдь* 'движимое имущество, пожитки'. Соф. вр. 6890 г. (т. I, 370); Афан. Никит.; Губ. гр. ц. Ив. Вас. Тр. Серг. мон. 1541 г.; Рядн. зап. 1566 г.; Пут. Генн. и Позн. З; *р8хлгдъка* ум. от сл. *р8хлгдь* Посл. м. Филип. Спирид. 1472 г. (Срезневский III, 199);
- 2) *мокрадь* 'болото' (?). Новг. купч. XIV—XV вв. (Срезневский II, 164);
- 3) *пестрядь=пестредь* 'ткань, состоящая из белых ниток в одном направлении и цветных в другом'. Афан. Никит. Плат. Бор. Фед. Год. 1589 г. (Срезневский II, 1778);
- 4) *осладь* 'жердь толстая, бревно'. Новг. II л. 7077 г. *осла-дище=оследище* увелич. от *осладь*. Жит. Андр. Юр. LV. 214. (Срезневский II, 728);
- 5) *площадь* 'ровное, незастроенное место, площадь, улица'. Библ. 1499 г. (Мат. Бусл. 49 и 52); Новг. I л. 6845 г. (по Арх. сп.); Пск. I л. 7018 г.;
площадъка ум. от *площадь*. Зап. в(ел.) к(нязя) Дм. Ив. 1939 г.;
площадъка 'плошка, плоский сосуд'. Царск. гр. 1565 г. окт.;
площадьныи=площедьныи прилаг. от сл. *площадь*. Миров. 1577 г. Судебн. 1497 г. (Срезневский II, 970);
- 6) *старадь* 'старик (?)' Пат(ерик) Син(айский) XI в. 101. (Срезневский III, 505). Этот Патерик палеографически сближается И. И. Срезневским с Остромировым евангелием²⁴, памятником новгородской ориентации. Слово *старадь* включается И. И. Срезневским в число «слов славянских, между прочим и произвольно придуманных для перевода греческих слов»²⁵. Слово придумано для передачи греческого πρεσβύτερος; следовательно, в XI в. на Руси образования с помощью суффикса -адь были, по-видимому, в какой-то мере продуктивны, что небезынтересно для истории слов *лошадь* и *лошак*, впервые отмеченных в памятниках XII в.

Правда, еще одно образование — *чернядь* 'утка особой породы' — выписано И. И. Срезневским из «Слова о полку Игореве», памятника, являющегося по ряду признаков юго-западным. Ср., однако, великорусск. диал. *чернядь* 'черная жирная утка' при отсутствии украинской литературной параллели.

²⁴ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. XXXI—ХС. СПб., 1879, стр. 50.

²⁵ И. Срезневский. Указ. соч., стр. 99.

В современном русском литературном языке существительные с суффиксом *-'адь* встречаются, хотя и нечасто: *площадь*, *пестрядь*, *рухлядь*, *лошадь*, *мокрядь*. Последнее из них напрасно считается диалектным²⁶; оно никак не ограничивается территориально. В. И. Далем²⁷ и употребляется писателем-урбанистом Ф. М. Достоевским в виде *мокреть* ‘сырость, грязь, дождливая погода’: «Рос он (убийца Ришар. — Г. О.) у них (у горных швейцарских пастухов. — Г. О.), как дикий зверёнок, не научили его пастухи ничему, напротив, семи лет уже посылали пасти стадо, в мокреть и в холод, почти без одежды и почти не кормя его» (Братья Карамазовы, ч. II, кн. 5, гл. IV). Очевидно, *мокрядь* (и *мокреть*) — просто редкое слово.

Что же касается русских говоров, главным образом северных, то такие образования встречаются в них несравненно чаще. Это подчеркивает Ю. С. Азарх, специально исследовавшая суффикс *-'ад'*: существительные с этим суффиксом «сохранили ясные словообразовательные связи с производящими основами, не известными за пределами русского языка, причем и сама словообразовательная модель является диалектной: подобные слова... употребительны в основной своей массе в северновеликорусских говорах»²⁸.

Некоторые из примеров Ю. С. Азарх: *виследь* ‘вялый, ленивый человек, разиня’, вят.; *дивледь* ‘вещь или дело редкое, удивительное’, нижегор.; *киследь* ‘щавель, дикий щавель’, оренбург.; *маледь* ‘зимние яблоки’, вят.; *острядь* ‘острый конец чего-либо’, Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. 1, 2. Великий Устюг, 1912—1913, стр. 128; *пестредь* ‘о грубой пестрой домашней ткани’, вят.;²⁹ *роследь* и *рослядь* ‘выращенный или осоложенный в зерне хлеб, пророслый и засущенный на солод’, нижегор.; *тухлеть* ‘тухлое мясо’, вят.; *чахледь* ‘дым, смрад, гарь, горелый запах’; *черледь* ‘ярко-красная охра’ и т. д. Даже в обратном словаре русского языка, включающем в себя диалектный материал лишь отчасти, имеется свыше 20 слов рассматриваемой суффиксальной группы³⁰.

Список Ю. С. Азарх можно пополнить словом *трухледь* ‘сухая гниль, обращающаяся в пыль от прикосновения’, вологодск.,

²⁶ Ушаков II, стр. 245.

²⁷ Даль³ II, стр. 339.

²⁸ Ю. С. Азарх. Существительные женского рода с суффиксом *-ядь* в русском языке. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Вып. II (Новая серия). М., 1961, стр. 153—154.

²⁹ Будучи литературным, *пестрядь* известно и в южнорусских говорах: четыре косяка пестреди красной (Курск 1720 г. — С. И. Котков. Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка. «Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова». М., 1972, стр. 139).

³⁰ Russisches rückläufiges Wörterbuch zusammengestellt von R. Greve und B. Kroesche unter der Leitung von Max Vasmer. 2. Halbband. Berlin—Wiesbaden, 1959, стр. 114—115.

1902 (КСНРГ), при наличии образующей основы (*трюхлыи*. — Срезневский III, 1014) уже в древнерусском языке.

«Из исследований по истории русского языка нам известна лишь одна работа, — пишет Ю. С. Азарх, — в которой указывается на продуктивность имен с суффиксом *-'ад'* (*-ед'*) — в языке уральских грамот XVII в.»³¹.

Добавим, что образования с суффиксом *-'адь* сохранились в некоторых украинских — в большинстве случаев в закарпатских говорах³². Этот суффикс остается относительно продуктивным в закарпатских верхнеприборжавских говорах, изолированных от других украинских диалектов и сохранивших в этом способе словообразования древнерусские черты, не характерные для украинского литературного языка³³. «В современном украинском литературном языке из таких образований бытует лишь *челядь*³⁴, — пишет И. О. Дзендулевский. Уточним это: при сплошном чтении «Словаря украинского языка» Б. Д. Гринченко нами не обнаружено существительных с указанным суффиксом, за исключением о.-слав. *челядь* и *лебідь*. Касаясь далее вторичных, производных литературных наименований, можно говорить лишь о двух украинских словах с этим суффиксом — *чернядка*, *-ки*, ж. (*чернядка-плахта=чернітка-плахта=плахта-чернетка* ‘плахта черного цвета’, Гринченко IV, 458), названии изолированном, многогранном, неустойчивом, и *трухлятина*, *-ни*, ж. (‘гниль в дереве’, Гринченко IV, 291), не имеющем, впрочем, украинской параллели *трухлядь*. Очевидно, для русского литературного языка образования с суффиксом *-'адь* более характерны. Не случайно великорусскому *площадь*, имеющемуся, впрочем, в болгарском (*площад*, м., первоначально ж. — БТР, 593; Младенов, 430) и македонском (*плоштад*, м. — Речник на македонскиот јазик. Ред. Блаже Конески. Скопје, II, 1965, стр. 187), соответствует украинское *площа*, *-щи*, ж. — *плошина*, *ни*, ж. ‘плоскость, равнина, площадь’ (Гринченко III, 197); *пестрядь* по-украински *матербас*, м. (Гринченко II, 408). Итак, существительные с суффиксом *-'адь* были более характерны для русского, а не украинского языка (исключая закарпатские говоры).

Название *лошадь* возникло на базе склонявшейся, реально существовавшей формы *лаша*: а гдѣ живот монастырский пасътъ

³¹ Ю. С. Азарх. Указ. соч., стр. 150.

³² Й. О. Дзендулевський. Іменники з суфіксом *-jadъ* в українській мові. «*Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*», 11. Warszawa, 1972. — Еще в одном славянском — польском языке, где есть гипнологический корень *losh-* (ср. *łoszak*), но нет слова *лошадь*, данный суффикс не представлен в нарицательных существительных и сохранился лишь в топонимах (названиях деревень). — Mieczysław Kagaś. O sufiksie *-qd* (*-qdz*). *Poładnik językowy*. Warszawa, 1972, № 7, стр. 402—405.

³³ В. В. Нимчук. Словообразование именных частей речи в закарпатских верхнеприборжавских говорах. АКД. Киев, 1962, стр. 3, 13.

³⁴ Й. О. Дзендулевський. Указ. соч., стр. 149.

зимою: лаше (вин. пад. мн. числа: *е* употреблено вм. ъ), быволицы и коровы, и с них емлют по ё денег (Сказание об Афонской горе Исаии, 1489 г., рук. б. Чудова монастыря. ГИМ, оп. XVI в., № 236. — Картотека МДРС). Этот контекст до сих пор в научный обиход не вводился, форма *лаша* считалась незасвидетельствованной, и отчасти поэтому недавно высказано предположение о том, что русск. *лошадь* «имеет какой-то иранский источник»: «В осетинском языке (иранский диалект) имеется слово *ласаг* (*lašag*) ‘рабочий скот (отличающийся большой физической силой)’ и глагол *ласын* (*lašyn*) ‘возить, перевозить, увозить, транспортировать’»³⁵.

Между тем, приведенное др.-русск. *лаша* (о лошади) вместе со всеми его славянскими производными, имеющими общую смысловую направленность — ‘лошадь’³⁶, фонетически и семантически несравненно ближе к булгар. *лаша (ср. чuvаш. *лаша* ‘лошадь’), чем к осетинскому *ласаг* ‘рабочий скот’, или, например, к монгольск. *лӯша, лōша* ‘мул’;³⁷ *алашас* ‘коны’ (ХIII в.)³⁸ (существует, как известно, и монгольская этимология русского ‘коневодческого’ корня *лош-*³⁹).

Наиболее вероятным непосредственным источником заимствования является булгарский язык — точка зрения, высказывавшаяся неоднократно и последний раз выдвинутая Ф. П. Филиным в противоположность этимологии Б. А. Серебренникова⁴⁰.

Как справедливо отметил И. Г. Добродомов, источником заимствования также мог быть печенежский язык⁴¹, подвергшийся

³⁵ Б. А. Серебренников. Этимологические заметки. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 211.

³⁶ Ср., кроме русск. *лошадь* с его многочисленными производными, укр. *лошун* ‘лошадь’ (Berneker, 734), *лошица* ‘кобыла, кобылица’, *лошичка* ум.-ласкат. от *лошица*; *лоша*, род. п. *лошати* ‘жеребенок’, *лошатко* ласкат. ‘жеребеночек’, *лошак* ‘двух- или трехлетний мерин’, уменьшит. *лошачок*; *лошина, -няти* = *лоша* (Н.-Волын. у.), *лошатна* ‘имеющая жеребенка, с жеребенком’ (Гринченко II, 378—379), блр. *лашак* ‘лошак’; польск. *łosz!* ‘подзывающей клич лошадей’, *łoszak* ‘маленькая татарская лошадь’, устар.; ‘жеребенок, жеребчик’, устар.; *łoszę* диал. ‘молодой конь, жеребец’, *łoszka* презрительно о женщине: ‘кобыла (перен.)’ (Doroszewski, IV, 312) ‘жеребенок’ (Berneker, 734).

³⁷ В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении кайтаков. «Сочинения», т. V. М., 1968, стр. 371; Н. Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвина. «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», т. I. Л., 1925, стр. 196; M. Rässänen. Der Wolga-bulgarische Einfluß in Westen im Lichte der Wortgeschichte. Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946, Bd. 29, стр. 197; P. Elliott. Les Formes turques et mongoles dans la nomenclature zoologique du Nazhatu'l-kulüb. — Bulletin of the School of oriental studies London Institution, vol. VI, part 3. London, 1931, стр. 556.

³⁸ С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941, стр. 193, 314, 574.

³⁹ М. Rässänen. Указ. соч., стр. 197.

⁴⁰ Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 562.

⁴¹ И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») (автореф. канд. дисс.). М., 1966, стр. 9.

значительной булгаризации и относимой к огузо-булгарской подгруппе тюркских языков⁴². Действительно, не исключено, что, может быть, именно из печенежского языка, с носителями которого древние киевляне имели непосредственное общение, и пришло заимствование, судя по особенному богатству первоначальных, древних суффиксальных образований в украинском, а не в русском языке (при укр. литерат. *лоша*, *лошица*, *лошак*, *лошук*, редк. *лошун*, представляющих собой разные слова, а не варианты одного термина, имеем лишь два русск. литерат. названия — *лошак* и *лошадь*, причем это последнее, как севернодревнерусский диалектизм, не получило распространения у предков украинцев и белорусов).

Связи Киевской Руси с печенегами возникают позднее русско-булгарских, но все же сравнительно рано — с начала X в.⁴³, и имеются письменные свидетельства тех времен о продаже печенегами лошадей восточным славянам: «И russы стараются жить в мире с печенегами; они покупают у них быков, коней и овец и от этого живут легче и привольнее, т. к. на Руси ни одно из названных животных не водится» (Константин VII Багрянородный (род. в 905 г., ум. в 959 г.). «Об управлении государством», в переводе В. В. Латышева и Н. В. Малицкого)⁴⁴. Впрочем, языковые связи киевлян на юге вполне могли быть и с булгарами.

О фонетическом облике др.-булгарского *лаша можно судить, как известно, по чув. *лаша* — с полузвонким интервокальным шипящим, более близким к русск. *ж*, чем к *ш*. Однако в древние периоды развития чувашского консонантизма на месте современных шумных звонких были глухие шумные⁴⁵. Звонкость чувашских шумных согласных «в наше время начинает достигать уже 70—80% звонкости русских шумных согласных. В первой половине XIX в. она не превышала 20—30%»⁴⁶.

Б. А. Серебренников устанавливает, что древнебулгарский язык, т. е. булгарский язык во время контакта венгров с булгарами, не знал озвончения глухих интервокальных согласных. (В частности, им сравниваются венгерские булгари兹мы и чувашские их соответствия: венг. *őkör* 'вол' — чув. *үәүәр*; венг. *seper* 'метла' — чув. *şəbər* и проч.)⁴⁷

⁴² Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 211.

⁴³ Первое сообщение о нападении на Русь печенегов датировано в «Повести временных лет» 915 годом.

⁴⁴ Хрестоматия по истории СССР, том I. Сост. В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский, изд. 4. М., 1951, стр. 54.

⁴⁵ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971, стр. 179.

⁴⁶ В. Г. Егоров. Указ. соч., ч. I, Чебоксары, 1954, стр. 34.

⁴⁷ Б. А. Серебренников. О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. — «Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского». М.—Л., 1964, стр. 229.

Таким образом, в чувашском (булгарском) *лаша* 'мерин, (извозная) лошадь'⁴⁸, перен. 'импотент' звук [š] первоначально вполне мог быть глухим. Действительно, в других тюркских языках это слово звучит только с глухим [š]: туркм. диал., карач., татар., башк., кумык. *алаша* 'мерин', турецк. диал. *алаша* 'худая невзрачная лошадь', азерб. *алаша* 'кляча'⁴⁹, ср. также маньч. *алашан* 'кляча'⁵⁰. Таково же интервокальное [š] и в не-туркских древних параллелях. (Ср. приведенные монг. *алашас*, 1240 г. и *лууша*, *лооша*, XIV в., а также кайтак. *лооша* 'мул', XVII в.⁵¹, при калм. *lūs*^u, *lus*^u⁵²).

Примечательна близость чуваш. *лаша* и русск. *лошадь* по их лексическому значению. По словам Юрия Германовича Серебрякова, 1937 г. рожд., из Алатырского района Чув. АССР, образованного чуваша, знающего родной язык и говорящего по-русски с заметным акцентом, соотношение русск. *лошадь* — конь и чуваш. *лаша* — ут совпадают; в частности, «чуваш. *лаша* ближе к *ко-была*, *ут* 'конь' чаще мужского рода». Ср. сложное слово *йоланут* (и диал. *йоланут*) 'оседланная лошадь'⁵³. «Но нельзя сказать *йоланлаша*» (Ю. Г. Серебряков). В чувашском фольклоре (песни, пословицы) *лаша* употребляется как русск. *лошадь*⁵⁴.

Женский род и ударение на первом слоге в слове *лошадь*⁵⁵ (туркск. *лаша*, *алаша* имеет ударение на последний слог) объясняются тем, что суффикс -'адь в русских существительных всегда безударный, а сами эти существительные — все женского рода⁵⁶. Таким первоначально было и слово *лебедь* <*лебядь* (ср. *лебяжий*), ж. р., ср.: «... лебедь белая плывет». — Пушкин. «Сказка о царе Салтане».

Сравнивая слово *лошадь* со всеми без исключения другими др.-русск. существительными на -'адь, имеющимися в Словаре

⁴⁸ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 540. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 126.

⁴⁹ Э. В. Севортиян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков (обще- и межтуркские основы)». М., 1966, стр. 53—54.

⁵⁰ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 87.

⁵¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 371.

⁵² М. Rässänen. Указ. соч., стр. 197.

⁵³ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I—II. Казань, 1898, стр. 61.

⁵⁴ Там же, стр. XXVIII. Н. Золотницкий. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Казань, 1871, стр. V.

⁵⁵ Многочисленные в XVI—XVIII вв. написания *лошедь*, *лошеть* и даже *лошодь* (наряду с *лошадь*) ясно говорят о тогдашнем ударении в слове. В стихотворных произведениях XVIII—XX вв. конечный слог слова безударный, как и в говорах, исключая смоленск. *лошадь*, м. р. (на Смоленщине употребляют *конь*; *лошадь* же воспринимается как городское, книжное; отсюда неосвоенность слова; *кнеисконность* его ударения и рода).

⁵⁶ Ю. С. Азарх. Указ. соч., стр. 154. Другое утверждение Ю. С. Азарх — о неподвижности ударения в суффиксальных образованиях на -'адь — неверно; ср. *площадь*—*площадей*, *лебедь*—*лебедей*.

И. И. Срезневского, можно установить и словообразовательную модель (общеслав. *челядь* и *лебедь*, как значительно более ранние образования, не учитываются): с помощью этого суффикса образуются существительные от основы прилагательного, явление довольно позднее, встречающееся на Севере Древней Руси: *пьстрыи* — *пьстрадь*; *мокрыи* — *мокрадь*; *чирныи* — *чирнадь*; *осьлии* — *осладь*; *плоский* — *площадь*; *старый* — *старадь* и более древнее *рухлыи* — *рухладь*.

Структурно близкое к перечисленным образованиям др.-русск. существительное *лошадь*, бесспорно позднего собственно русского (севернодревнерусского) оформления, по-видимому, также образовано от *лаша*, *лоша*, осмысленного как прилагательное (именное, женского рода; ср. *темна*, *хороша* и проч. — также с ударением на последнем слоге). Возможно, такое переосмысление тюркизма *лаша* было обусловлено наличием омонимичного ему прилагательного *лоший*, распространенного на тогдашнем Севере. Действительно, есть диал. костромское *лоший* 'плохой, дурной'⁵⁷ при наличии русскоцерковнославянского *лошь* 'дешевый, плохой'⁵⁸, родственного болг. литературному *лошь* 'дурной, плохой', с.-хорв. *лошь* 'несчастный, плохой', словенск. *lošen* 'плохой'.

Диал. костромскому *лоший*, вероятно, родственны вологодск. *лошить* 'красть'⁵⁹, семантически не вполне ясное, но, бесспорно, обозначающее какое-то дурное действие, а также галичск. тверск. *лоходь* 'лошадь' при галичском же *лох* 'мужик'⁶⁰ и при тверских *лоха* 'дура, простофиля' и *лошуня* 'дурачок, юродивый'⁶¹, возводимых М. Фасмером к *лошь 'плохой'⁶². Все эти диалектизмы обнаружены исключительно на территории бывшей Ростово-Сузdalской земли, где слово *лошадь*, по древнерусским памятникам, употреблялось особенно широко.

В таком случае оформление *лаша* в *лошадь* обязано народной этимологии и контаминации со словом *лоший*, что объясняет более значительный пренебрежительный семантико-стилистический оттенок др.-русского *лошадь* по сравнению с его современным употреблением. Факты подобного рода контаминации и народной этимологии, возникающих вследствие случайной звуковой близости, широко известны⁶³.

⁵⁷ Даль³ II, 270.

⁵⁸ Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках. — ИОРЯС. Пг., 1915, т. XX, кн. 3, стр. 109. Дьяченко, 287.

⁵⁹ Даль³ II, 270.

⁶⁰ Слова, употребляемые жителями города Галича и его уезда, собранные учителями тамошнего уездного училища Дмитрием Ржевским и Яковом Акеилевым. «Труды Общества любителей российской словесности при Московском ун-те», ч. 19. М., 1821, стр. 139.

⁶¹ Даль³ II, 240.

⁶² Фасмер II, 524, 468.

⁶³ Утверждение о севернорусском происхождении слова *лошадь*, правда, аргументированное лишь отсутствием термина в украинском языке, высказывалось неоднократно, см.: П. Я. Черных. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950, стр. 124; В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 63.

Такой контаминации не произошло при образовании общевосточнославянского *лошак* и укр. наименований *лошица*, *лошук*, оформившихся суффиксально из имени существительного *лаша* > *лоша*, *лошате*; ср. *орля*, *-ляти*, с. 'орленок' и *орлюк*, *-ка*, м. 'молодой орел'; *орлиця*, *-ци*, ж. 'самка орлиная, орлица', *орляк*, *-ка*, м. 'растение *Pteris aquilina*'; *осля*, *-ляти*, с. 'осленок' и *ослюк*, *-ка*, м. 'мул, лошак', *ослиця*, *-ци*, ж. 'ослица'⁶⁴ и т. д.

Ударение в восточнославянском *лошак* закономерно: во всех словах, помещенных с суффиксом *-ак* в обратном словаре русского языка, суффикс ударный, как и в выписанных нами существительных из словарей Б. Д. Гринченко и И. И. Носовича.

Что касается точки зрения Б. А. Серебренникова об этимологической связи осетинского *ласаг* с русским *лошадь*, то осетинский *диал. ласаг*, не являясь непосредственным источником русского термина, может, действительно, оказаться родственным тюркск. *лаша, алаша*: тюркомонгольские племена неоднократно вступали на протяжении своей истории в тесный языковый контакт с иранскими народами. Однако этот вопрос может быть предметом особого рассмотрения.

Судя по тюркско-монгольским параллелям к слову *лаша* и по его этимологии, выдвинутой Э. В. Севортияном, термин этот является исконно тюркским⁶⁵, вопреки мнению Б. А. Серебренникова. Кроме Э. В. Севортияна, начальное *а-* в чuvаш. *лаша* предполагают для булгарского (древнечувашского) *алаша другие тюркологи⁶⁶. При этом др.-чuvаш. *алаша > *лаша*, ввиду отсутствия в нем перехода *š* > *l* возможно, наименование вторичное, заимствованное из других тюркских языков.⁶⁷ Утверждение Г. Дёрфера о том, что само тюрк. *alaša* 'разновидность лошади' как будто заимствовано из древнемонгольского⁶⁸, основанное на некотором преувеличении данных исключительно письменных памятников, не меняет картины проникновения булгарского термина к восточным славянам⁶⁹.

⁶⁴ Гринченко 3, стр. 63 и 69.

⁶⁵ Э. В. Севортиян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков (обще- и межтуркские основы)». М., 1966, стр. 53—54.

⁶⁶ Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 77; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чuvашского языка. М., 1954, стр. 126.

⁶⁷ Не исключена, впрочем, и межслоговая диссимиляция, и тогда *алала не возникло из *алаша* на собственно др.-чuvашской почве.

⁶⁸ G. Dögerle. Gedanken zum Gestaltung eines idealen Türkischen Etymologisches Wörterbuch. — Orientalistische Literaturzeitung. LXVI, (1971), № 9—10, стр. 442.

⁶⁹ Обзор этимологий слова *лошадь* за исключением рассмотренной здесь точки зрения Б. А. Серебренникова представлен в нашей статье «Из истории русской гипнотической терминологии» (Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 353, М., 1970). Среди прочих там рассмотрена сомнительная этимология, выдвинутая М. Фасмером.

При подготовке настоящей статьи тюркский материал был в известной мере пополнен благодаря И. Г. Добродомову, любезно указавшему на несколько тюркологических работ.